

СЫН

Кира никак не могла поверить, что её маленький Егорка вырастет. Первый раз она задумалась об этом, когда ему было тринадцать. Болтая с приятельницей о том о сём, затронули тему, кого лучше иметь – сына или дочь. Сошлись на том, что дочь лучше во всех отношениях, мол, и воспитывать легче, и при матери всегда будет. Вот тут Егорка и выдал:

– А я думаю, – неожиданно для матери вступил он в разговор, – что для женщины лучше иметь сына: она дольше молодой остаётся. Каждый скажет: какой взрослый сын, а мама молодая, а если дочь – сравнение не в пользу матери.

– Вот это да! – удивлённо протянула Кира. – Где ты такого набрался, кто тебя надоумил?

– Никто, – буркнул Егорка и прошёл вперёд, всем своим видом показывая, что не намерен вступать в дискуссию.

– Растёт! – усмехнулась приятельница.

– Растёт... – машинально повторила Кира. А сама подумала: «Вырастет» и почему-то тяжело вздохнула.

Второй раз мысль о взрослении сына вернулась к ней в связи с трагическими обстоятельствами: погибла жена директора училища, где работала Кира. Позвонил следователь и сообщил, что ведёт допрос её сына.

– Но ведь он ещё мальчик! И какое отношение ко всему этому ужасу может иметь ребёнок? – изумлённо спросила она.

– Какой же он ребёнок?! Высокий сильный юноша шестнадцати лет отроду, по-вашему, ребёнок? Ну вы, мамыши, даёте!

Ей хотелось нагрубить собеседнику, сказать, что для матери даже стареющий сын остаётся ребёнком, не младенцем, конечно, но ребёнком, о котором болит душа, и хочется заслонить его от всех бед. Но Кира промолчала, вздохнула и опять подумала: «Взрослеет!»

И, наконец, третий и последний раз она поняла, что сын не взрослеет, а стал взрослым, когда ему пришла повестка из военкомата о призыве на службу.

Накануне матери приснился странный сон. Синее, синее небо и на нём одно большое облако, оно плывёт, плывёт и вдруг разрывается, ломается на маленькие облачка. На одном из них – Рафаэлевская мадонна с

младенцем, а на другом Кира видит себя и тоже с младенцем, на других – их оказалось множество – сплошь незнакомые женщины, и все с младенцами. Они кружатся под звуки небесной прозрачной музыки, прижимая к сердцу драгоценные комочки. Внезапно всё остановилось, раздался чей-то голос: «Вам нужно отдать своих детей людям.» – «Не-е-ет!» – пытается закричать Кира и не может; напрягаясь, кричит, кричит беззвучно и... просыпается.

Оглушительно, как ей показалось, звонил телефон. Ещё не придя в себя, женщина схватила трубку.

– Мама, мама, это я, Егор! Что ты так долго не подходила? У тебя всё в порядке?

– Всё в порядке, – сбрасывая остатки кошмарного сна, глуховато ответила Кира.

– Мама, ты только не волнуйся, меня в армию берут.

« Вот он – сон! – молнией мелькнуло в голове, сердце тоскливо заныло. – Спокойно, спокойно», – приказала себе.

– Егорушка, я сегодня же выезжаю во Владивосток.

С этой минуты осознала: сын стал взрослым, он идёт служить. Никого не интересует, что она чувствует, никто не

спросил её согласия, ничего нельзя сделать, чтобы помешать, умолить неведомые силы оставить ей сына.

Вечером при свечке – электричество отключили – собрались за накрытым столом Егор, бабушка и её взрослые дочери – Кира и Надежда. Мерцающий в полутьме свет причудливо играет на лицах сидящих, по-особому сближает их. Как никогда остро они ощущают себя семьёй. И главное откровение, которое явилось тогда Егору: что бы не случилось, у него есть они – эти три женщины, связанные любовью друг к другу и к нему, Егору. Хотелось сказать им о своём открытии, но нужные слова не находились. Он встал, подошёл к каждой из них, потёрся щекой, как в детстве.

– Лягу пораньше, – сказал он, потягиваясь, – завтра рано вставать. Вы тоже не засиживайтесь. И добавил: – Всё будет хорошо!

– Пусть поспит, – горестно вздохнула мать и придвинулась поближе к сыну. Сюда же перебрались сестра и бабушка. Сидели рядом, не могли насмотреться на своего крепко уснувшего солдатики, и тихонько шептались.

Кира пересказала свой, как ей казалось, вещий сон.

– Сегодня, – раздумчиво обратилась она к сестре и матери, – я отпускаю, вынуждена отпустить сына от себя. Армия, девушка, жена, семья... Уплывает сыночек всё дальше и дальше... А ты остаёшься и только ждёшь, когда позвонит, забежит, напишет. Мне и сон этот дан, чтобы смирилась, приняла головой и сердцем закон жизни: сын становится взрослым и уходит.

– Разве с дочерьми иначе? Ах, девочки, девочки... – мать обняла дочек. – Сколько я в своё время дум передумала, сколько слёз пролила! Больно, очень больно этот самый «закон жизни» к себе применять.

– Ты ж нас в армию не провожала...

– Не провожала. А как на учёбу поехали, как кавалеры виться стали, а в семье неполадки? Всё видишь, всё понимаешь, а помочь ничем не можешь. Дочки выросли, своим умом жить хотят.

– Ну, мы же сейчас здесь, с тобой?

– Со мной, а семья у каждой своя и заботы ваши отдельно от меня идут. Нет, девоньки, у всех женщин судьба одна: вырастила и отпускай. Вот и Егорка из гнезда вылетает.

Помолчали немного, думая о своём.

– Может, поспим чуть-чуть?– предложила Надежда.

Решили часик-другой вздремнуть.

...Утром Егор попрощался с бабушкой и тётушкой.

Они говорили ласковые слова, он кивал стриженной головой, потихоньку освобождаясь от объятий, и продвигался к двери.

На улице было по-утреннему пустынно и прохладно. Мать и сын быстро зашагали в сторону Первой Речки, на сборный пункт. Они спешили, но автобуса решили не ждать – «успеем, если быстрым шагом». На подходе к клубу увидели небольшую группу из призывников и их родителей. Толпа потихоньку росла, часам к девяти вся площадь перед клубом была заполнена людьми. Кира чутко прислушивалась к разговорам вокруг:

– Говорят, из морских частей не будет, значит, все пойдут по два года.

– Хоть бы в Афган не загремели...

– Им и дедовщины хватит!

– Вроде на Сахалин и Курилы повезут...

Услышанное не прибавило Кире бодрости, но то, что все стоящие рядом связаны одной заботой, притупляло чувство безысходности.

– Вы первый раз здесь? – обратилась к Кире немолодая интеллигентного вида женщина. – А я уже второго сына провожаю, – вздохнула она, не дожидаясь ответа. И добавила со знанием дела: – Скоро начальство прибудет.

Кира обернулась к неожиданной собеседнице, но в это время раздалась команда призывникам пройти внутрь помещения. Все задвигались, засуетились...

Кира прижалась к сыну, прошептала: «Держись, мой хороший! Я жду, очень жду тебя». И невольно подумала: «Что значит жду – он же ещё рядом...» Она ещё что-то говорила, но Егор уже весь устремился вперёд, куда звал приказ. Мать разжала руки, и он побежал. «Вот и всё...» – сказала Кира сама себе.

Провожающие сомкнулись теснее, не сводя взглядов с двери, за которой скрылись сыновья. Вышли военные и стали выкликать ребят по фамилии, те выбегали и быстро садились в автобус. Вот сейчас он заполнится и отъедет. Кира поняла, что если простоит в бездействии ещё секунду, время будет упущено, и ей уже не увидать своего мальчика,

не узнать, куда его отправляют. Она рванулась, врезалась в толпу, забыв обо всём, не помня себя. Её ругали, даже ощутимо по спине хлопнули – ничего не чувствовала, никого не слышала. Опомнилась, ударившись о тёплый бок машины и увидев родное лицо сына.

– Куда? Куда?– тщательно выводила губами. Окна были плотно закрыты, но Егор понял её вопрос и пальцем выводил по стеклу: «Са-ха-лин!»

Автобус медленно отъезжал, постепенно набирая скорость. Женщина, разговор с которой прервался, сказала, что ребят повезли в городские казармы и ещё есть возможность увидеться с ними. Вечером, набрав всяких вкусностей, Кира и Надя стояли на пригорке и выкликали Егора: в форме ребята были похожи друг на друга, и они боялись пропустить «своего».

Кира совала сыну какие-то конфеты, бутерброды, неотрывно глядя ему в лицо полными слёз глазами. Но она чувствовала: главный перелом в её жизни уже произошёл – это случилось в те минуты, когда руками держала автобус с новобранцами, будто могла его остановить. «Плыви, мой сыночек, плыви по своей жизни, по своей судьбе. Я не буду

мешать, отойду в сторонку, но знай: я жду тебя всегда и отовсюду».

...Спустя годы, уже вернувшись со службы, Егор признался, что самым трудным для него тогда было прощание с мамой. Такого «опрокинутого» материнского лица он больше никогда не видел.